

***Кодирование единичности и известности
прямого дополнения в бесермянском диалекте
удмуртского языка¹***

***Encoding uniqueness and familiarity of direct objects
in the Beserman dialect of Udmurt***

Сердобольская Н.В.

В языках с дифференцированным маркированием объекта распределение показателей довольно часто объясняется на основании понятий определенности, специфичности (specifity), дискурсивной важности (prominence) и других понятий, ориентированных на бинарное противопоставление (специфичный — неспецифичный, prominent — non-prominent). В пермских языках оказываются противопоставлены более чем два способа кодирования прямого дополнения: например, в бесермянском диалекте удмуртского языка это отсутствие оформления, показатель аккузатива, кумулятивный показатель аккузатива и посессивности. Мы показываем, что аккузатив в бесермянском служит немаркированным средством оформления определенных прямых дополнений, в то время как посессивный аккузатив, кроме посессивности и некоторых других функций (оформление нулевых вершин в именной группе, этическая функция), используется для маркирования известных (familiar) прямых дополнений, в контекстах, в которых нет требования единичности участника. Нереферентные и неопределенные прямые дополнения не получают оформления.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, прямое дополнение, аккузатив, посессивность, определенность, единичность, известность, удмуртский язык, бесермянский диалект, финно-угорские языки, уральские языки

---

¹ Исследование поддержано грантом РНФ № 14-18-03270.

In languages with differential object marking the distribution of direct object markers is often explained based on definiteness, specificity, prominence and other concepts with binary features (specific vs. non-specific, prominent vs. non-prominent). In Permic languages three types of direct object markers are distinguished: absence of marking, accusative marker and the fused markers of possession and direct object. I show that in Beserman Udmurt the accusative is a non-marked means of encoding definite direct objects, while the possessive suffixes have the following functions: 1) ethical function, 2) marking of null NP heads and 3) marking of non-unique familiar direct objects. Non-referential and indefinite direct objects are not marked.

Keywords: differential object marking, direct object, accusative, possessive morphemes, possession, definiteness, uniqueness, familiarity, Udmurt, Beserman dialect, Finno-Ugric, Uralic

1. Введение

В типологической литературе подробно описано явление дифференцированного оформления прямого дополнения (differential object marking, см. [Bossong 1985; Moravcsik 1978; Aissen 1998; de Swart 2007; Dalrymple, Nikolaeva 2011]): в ряде языков прямое дополнение (далее: ПД) может кодироваться более чем одним способом. Выбор оформления может регулироваться строгими грамматическими правилами (что обуславливает, в частности, в русском языке выделение двух показателей в составе одной падежной грамеммы аккузатива: *увидел мальчика — увидел стол*) или же определяться на основании сложного взаимодействия грамматических и дискурсивных факторов, см. работы [Муравьева 2008; Enç 1991; von Heusinger, Kornfilt 2005] про турецкий язык.

Турецкий

- (1) a. Ali   bir   piyano-yu
       Али   один   пианино-ACC

kiralamak istiyor.

нанять хочет

Али хочет взять напрокат одно пианино.

б. Ali bir piyano kiralamak istiyor.

Али один пианино нанять хочет

Али хочет взять напрокат какое-нибудь пианино.

[Еңс 1991: 4–5]

Для таких языков в типологических и теоретических работах распределение показателей кодирования ПД обычно объясняется на основании понятия специфичности (specificity, см. [von Neusinger, Kornfilt 2005], ср. понятие референтности), дискурсивной важности (prominence, см. [de Swart 2007]) и других понятий, довольно часто ориентированных на бинарное противопоставление (специфичный — неспецифичный, prominent — non-prominent). При этом показатели ПД оказываются функционально распределены согласно данному противопоставлению. Материал пермских языков интересен тем, что в них оказываются противопоставлены более чем два способа кодирования ПД: например, в удмуртском это отсутствие оформления, показатель аккузатива, кумулятивный показатель аккузатива и посессивности (зачастую не выражающий посессивность, ср., например, [Алатырев 1970, Suihkonen 2005, Fraurud 2011]):

(2) а. **Jetân** kiž'-âl-i-z-â lud vâl-ân.
лён сеять-ITER-PRT-3-PL поле верх-LOC
(Раньше) лён сеяли на поле. [КБТ]

б. **Jetân-ez** âšk-ânâ kuč'k-âl-i-z-â
лён-ACC рвать-INF начинать-ITER-PRT-3-PL
jul', so tolež'-e pum-a-z.
июль тот месяц-ILL конец-LOC/ILL-P.3SG
Рвать лён начинают в конце июля. [КБТ]

в. Val = no   kopot'-s-e
 лошадь=ADD   пыль-P.3-ACC(SG)
 š'ij-e = ke   kâz-e.
 есть-PRS.3SG=если   кашлять-PRS.3SG
*{В сено попала пыль.} И вот, когда лошадь ест
 пыль, то кашляет. [КБТ]*

Для таких языков, очевидно, выбор оформления ПД не объясняется одним бинарным параметром, а требуется либо привлечение нескольких параметров, либо более детальный подход к одному параметру, разбивающий его на микропараметры. Ниже мы покажем, что для бесермянского диалекта удмуртского языка необходимо более детальное дробление типов референциального статуса, а именно различение двух типов определенных именных групп (далее: ИГ).

Материалом работы служат полевые записи автора и корпус текстов 2003–2015 гг. (Корпус бесермянских текстов, см. http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru), собранных в д. Шамардан Юкаменского района Республики Удмуртия. Примеры из корпуса помечены [КБТ]. Примеры без помет получены методом элицитации.

Работа состоит из следующих разделов. В разделе 2 мы приводим парадигму показателей ПД в бесермянском удмуртском, в разделе 3 кратко охарактеризуем распределение маркированного и немаркированного ПД. Раздел 4 посвящен анализу семантики посессивного показателя ПД, в противопоставлении непосессивному показателю. В разделе 5 мы представим обобщение и предложим схему развития значений посессивных показателей ПД в бесермянском.

2. Показатели прямого дополнения и посессивные показатели в бесермянском

В бесермянском диалекте удмуртского языка зафиксировано три основных способа оформления ПД: отсутствие

оформления (2а), аккузатив на *-ez* (2б) и посессивный аккузатив (2в), который включает аккузатив и показатель лица и числа посессора. Можно условно разделить данную последовательность на показатель лица посессора (*-m/-d/-z-*) + аккузатив *-e* + показатель числа посессора (ноль или *-s*). Приведем список посессивных показателей в бесермянском:

Таблица 1. Парадигма посессивных показателей в бесермянском²

Лицо, число	В прямом дополнении	В номинативе и перед падежными показателями	После падежных показателей
1 ед.ч.	<i>-m-e</i>	<i>-e/-ê</i>	<i>-ê m/-m</i>
2 ед.ч.	<i>-d-e/-t-e</i>	<i>-ed/-ê d</i>	<i>-ê d/-d</i>
3 ед.ч.	<i>-z-e/-s-e</i>	<i>-ez/-ê z</i>	<i>-ê z/-z</i>
1 мн. ч.	<i>-m-e-s</i>	<i>-m-ê</i>	<i>-ê m-ê/-m-ê</i>
2 мн. ч.	<i>-d-e-s/-t-e-s</i>	<i>-d-ê/-t-ê</i>	<i>-ê d-ê/-d-ê</i>
3 мн. ч.	<i>-z-e-s/-s-e-s</i>	<i>-z-ê/-s-ê</i>	<i>-ê z-ê/-z-ê</i>

Из таблицы видно, что в бесермянском посессивные маркеры для ПД противопоставляются посессивным маркерам для остальных синтаксических позиций. При этом в ПД можно четко выделить формант *-e-*, который можно обозначить как аккузатив, личный показатель (*-m/-d/-z-*) и показатель множественности посессора *-s*; в остальных посессивных показателях полностью провести аналогичное членение не удастся. Несмотря на это, ниже мы для краткости будем использовать термин «посессивный аккузатив»

² Здесь не приводятся показатели *-im/-id/-iz*, которые используются только для местоимений. Выбор варианта на *-ê-* или *-e-* во втором столбце определяется (не)отчуждаемостью имени. Варианты на согласный в третьем столбце используются после гласного.

(в противоположность аккузативу без посессива *-ež*) для обозначения всех показателей третьего столбца таблицы.

Далее, в бесермянском также существует особый показатель аккузатива множественного числа *-tâ*:

- (3) So vel't-e č'ašja-je
 тот ходить-PRS.3SG лес-ILL
 č'əž-jos-tâ / *č'əž-jos / č'əž êb-êl-ênê.
 утка-PL-ACC.PL утка-PL утка стрелять-ITER-INF
Он часто ходит в лес стрелять уток.

В целом, данный показатель распределен так же, как маркер аккузатива без посессива. Обычно он не используется при посессивных показателях (за исключением местоимений и числительных, где комбинация посессив + показатель *-tâ* весьма частотна); при множественности участника ИГ маркируется показателем множественного числа *-(j)os* и одним из посессивных показателей. Уточним, однако, что подробное исследование данного маркера не проводилось и ниже он рассматриваться не будет.

Мы также не будем подробно рассматривать оформление местоимений, а также числительных, прилагательных и причастий в позиции вершины ИГ.

3. Неоформленное ПД vs. ПД с показателем аккузатива

В литературе по уральским языкам привлекаются следующие факторы для объяснения выбора оформления ПД:

- референциальный статус ПД;
- коммуникативное членение предложения;
- одушевленность ПД;
- временные и аспектуальные характеристики глагола;
- квантификация ПД (например, партитивность);
- порядок слов.

Следует уточнить, что в отличие от прибалтийско-финских языков, где квантификация ИГ, а также временные и аспектуальные характеристики глагола налагают строгие грамматические запреты на то или иное оформление (см., например, [Kiparsky 2001; Tamm 2004]), в пермских, марийском и эрзя-мордовском языках наибольшее значение имеют факторы референциального статуса, одушевленности и коммуникативного членения [Сердобольская, Толдова 2012].

Относительно литературного удмуртского языка, в различных источниках утверждается, что выбор оформления ПД в основном регулируется его определенностью/неопределенностью и временными и аспектуальными характеристиками глагола [ГСУЯ: 93; Csucs 1990: 34; Winkler 2001: 20; Кондратьева 2002]. Для бесермянского диалекта фактор референциального статуса ПД, по-видимому, является наиболее релевантным, ср. [Сердобольская, Толдова 2012].

В целом, аккумулятивное оформление (включая оформление посессивным аккумулятивом) выбирается для определенных ПД (4); при других типах референциального статуса (по классификации, предложенной в работе [Падучева 1985]) ПД может выступать без показателя, ср. (5)–(10). При этом оказывают влияние также коммуникативные свойства ИГ и ее одушевленность: ИГ в теме высказывания чаще оформляются аккумулятивом (11), в отличие от ИГ в реме (10); одушевленные ПД чаще выступают в аккумулятиве, чем неодушевленные. Так, родовые и универсальные ПД могут выступать с аккумулятивом и без него, в зависимости от коммуникативного статуса и одушевленности (ср. (9) и (10), где предложение взято вне контекста, и носитель разрешил оба варианта оформления, и (11), где ПД с родовым статусом является топиком высказывания и присоединяет аккумулятив).

- (4) So sul'ep vu-**ez** mon
тот шуга вода-АСС я

koža-j kənm-əmən.
 предполагать-PRT(1SG) замерзать-RES

{Я спустилась за лошадью, поднялась в лог, а в логу была вода с шугой.} А я думала, что эта вода с шугой замёрзшая. [КБТ]

- слабо определенные:

(5) Mon ləʒ'-i kn'iga.
 я читать-PRT(1SG) книга
Я прочитал одну книгу. [Очень тебе советую].
 [Сердобольская, Толдов 2012: 125]

- неопределенные:

(6) Van'a təb-i-z kəz
 Ваня подниматься-PRT-3(SG) ель
 jəl-e, kəz jəl-iš'en so
 вершина-ILL ель вершина-EGR тот
 aʒ'-i-z korka.
 видеть-PRT-3(SG) дом
{Ваня и Петр заблудились в лесу, ищут, где переночевать.} Забрался Ваня на ель и увидел оттуда дом. [КБТ]

- экзистенциальные:

(7) Odig magaʒ'in-e pər-i-m, sur
 один магазин-ILL входить-PRT-1PL пиво
 baš'-t-ənə med-iš'ko-m val.
 брат-SMLF-INF хотеть-PRS-1PL быть.PRT
Мы зашли в один магазин, хотели купить пива.
 [КБТ]

- родовые в гипотетическом контексте:

(8) Jəl baš'-t-ənə = ke, kod'-ku
 молоко брат-SMLF-INF=если хоть-когда

если ИГ включает только вершину, выраженную именем. При наличии в ИГ различных видов определителей (местоимения, прилагательные, числительные и т. п.) возникают строгие грамматические запреты. Так, указательные местоимения недопустимы при неоформленном ПД:

- (12) So ta skal-ez / *skal
 тот этот корова-ACC корова
 baš'-t-ânê med-e.
 купить-SMLF-INF хотеть-PRS.3SG
Он собирает корову/эту корову купить. [Сердобольская, Толдова 2012: 127]

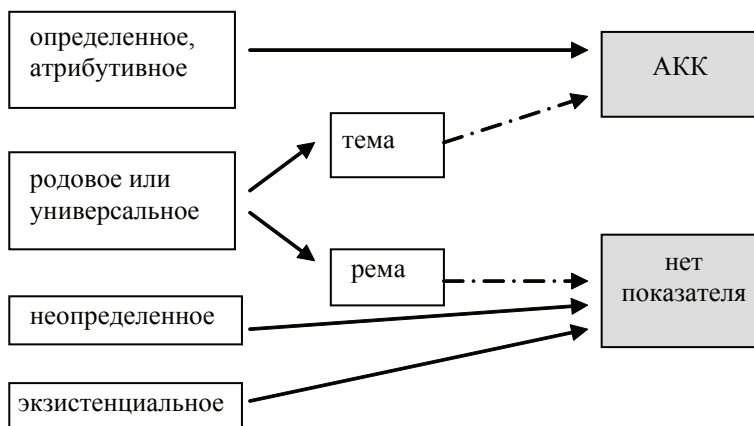
Неоформленным также не может быть ПД, вершиной которого является прилагательное, причастие, адъективное числительное или местоимение, оно обязательно оформляется показателем аккумулятива (или посессивного аккумулятива), ср.:

- (13) Vojna vâl-ti soldat'-t'os vij-i-z-ê
 война верх-PROL солдат-PL убить-PRT-3-PL
 mil'am gurt-êš'
 мы.GEN1 деревня-EL
 ž'uš'-ez / ž'uš' ad'ami-jez / *ž'uš'.
 русский-ACC русский человек-ACC / *русский
Во время войны в нашей деревне солдаты убили одного русского. [Сердобольская, Толдова 2012: 128]

Подробнее относительно свойств некоторых определителей в составе ПД см. [Сердобольская, Толдова 2012].

Таким образом, ПД без показателя и ПД с показателем (посессивного) аккумулятива функционально распределены так, как показано на схеме 1 (фрагмент Схемы 5, приведенной в [Сердобольская, Толдова 2012: 71], прерывистые линии на схеме обозначают, что в данном случае возможны колебания носителей):

Схема 1. Распределение оформленного и неоформленного ПД в бесермянском

Что касается аспектуальных характеристик ситуации и квантификации ПД, данные параметры не оказывают прямое влияние на выбор маркирования. Однако они могут влиять опосредованно: в частности, при наличии кванторов всеобщности отсутствие показателя недопустимо и т. д., см. [Сердобольская, Толдова 2012].

В следующем разделе мы рассмотрим правила, регулирующие выбор между аккузативом и посессивным аккузативом в бесермянском.

4. Функции посессивных показателей, маркирующих ПД

Как было показано в разделе 3, выбор между отсутствием оформления ПД и его наличием в основном определяется референциальным статусом ПД (в меньшей степени его одушевленностью и темарематическим статусом). Обратимся теперь к функциям посессивных показателей в составе ПД. Как известно, во многих финно-угорских языках

посессивные показатели имеют ряд функций, отличных собственно от маркирования посессивности [Sinor 1988; Кузнецова 2012], см. [Алатырев 1970, Suikhonen 2005, Winkler 2011 и Fraugrud 2011] относительно удмуртского и [Тепляшина 1970: 176] относительно бесермянского. В частности, в пермских языках показатели 2-го и 3-го лица могут иметь, кроме посессивного, также детерминативное, вокативное значение субъективной оценки, значение «фамилиаризации» («ласкательности», ср. рус. *чаёк*) и др. [Прокушева 1984; Брыкина, Судобина 2005; Едыгарова 2010; Кузнецова 2012].

Рассмотрим значение посессивных показателей при ПД в бесермянском. В первую очередь, посессивные показатели служат для субстантивации прилагательных, числительных, причастий (14) и т. п. (или, в другой терминологии, функционируют как «пустые» именные вершины), ср. [Алатырев 1970, Winkler 2011]. Такая «синтаксическая» функция посессивных показателей представляет собой особый случай употребления и в настоящей работе не рассматривается. Мы анализируем только примеры с именами в вершине ИГ.

- (14) Vič'ak jablok-jos š'iš'm-emân = n'i.
 все яблоко-PL гнить-RES=уже
 Mon tânad vera-l'l'a-j = uk,
 я ты.DAT говорить-ITER-PRT(1SG)=EMPH
 š'iš'm-em-jos-s-e kuja = n'i
 гнить-NZR-PL-P.3-ACC бросать(IMP.SG)=уже
 šusa.
 COMPL

Все яблоки сгнили. Я же тебе говорил, выброси гнилые [яблоки].

Далее, рассматриваемые показатели могут выражать собственно посессивное отношение:

- (15) Mi sur-m-e-s pot-t-i-m...
 мы пиво-P.1-ACC-PL выходить-TR-PRT-1PL
 ju-isa puk-iš'ko-m = n'i.
 пить-CONV сидеть-PRS-1PL=уже
 {Они самогон пьют.} Мы свое пиво достали...
 сидим пьём. [КБТ]

В бесермянском маркирование посессивного отношения в ПД (уточним, что данное утверждение касается только ПД) обязательно в случае неотчуждаемой принадлежности, в частности для терминов родства и свойства³ (кроме слова *pin'al* 'ребёнок' (16)), для частей тела, части целого и некоторых других лексических классов. В случае отчуждаемой принадлежности посессивный маркер может отсутствовать, даже если посессор ясен из контекста, как в (17).

- (16) Ož' vera-š'k-i dak, ben
 так разговаривать-DETR-PRT(1SG) дак да
 kəž'ə, mon pin'al-ez kel't-əpə
 как я ребёнок-ACC оставаться-TR-INF
 kule.
 надо
 {Провожать, говорю, не идёшь что ли?} — Я же
 сказала, как [я пойду], мне же ребёнка тогда
 оставить нужно. [КБТ]

- (17) A mon kud dər-ja kwat'e...
 а я который время-ADV шесть-ILL
 səl-t-iš'ko, skal kəsk-əpə
 стоять-SMLF-PRS(1SG) корова доить-INF

³ За исключением тех случаев, когда термин родства или свойства употреблен нереперентно, например:

Когда крестят ребенка, находят крестного отца.

pot-iš'ko.
 выходить-PRS.1SG

А я иногда в шесть... встаю, выхожу доить корову. [КБТ]

Таким образом, посессивные показатели для ПД являются грамматически обязательными не для всех типов посессивных отношений в ИГ.

Если в составе ИГ имеются модификаторы, они чаще всего не оформляются именными грамматическими показателями. Менее частотны конструкции, где падежный или посессивный показатель оформляет и имя, и модификатор при данном имени. Интересно, что при ПД такие конструкции встречаются именно с посессивным аккумулятивом (см. [ГСУЯ; Suikhoenen 2005]):

- (18) So vuza-z
 тот продавать-3(SG.PRT)
 kâl'-em-z-e kartoška-z-e.
 оставаться-NZR-P.3-ACC(SG) картошка-P.3-ACC(SG)
Он продал оставшуюся картошку. [Сердобольская, Толдова 2012: 128]

Довольно часто такие конструкции возникают при линейном разрыве модификатора и вершины ИГ, ср.:

- (19) Kâl'-em-z-e so
 оставаться-NZR-P.3-ACC(SG) тот
 vuza-z kartoška-z-e.
 продавать-3(SG.PRT) картошка-P.3-ACC(SG)
Он продал оставшуюся картошку.

Такие разрывные ИГ произносятся с особой интонацией: и модификатор, и вершина получают особое акцентное выделение (ср. рус. *Красную мне дай кружку*). Рассмотрим следующее предложение, взятое из КБТ (бытовой разговор, запись 2005 г., говорящий женского пола):

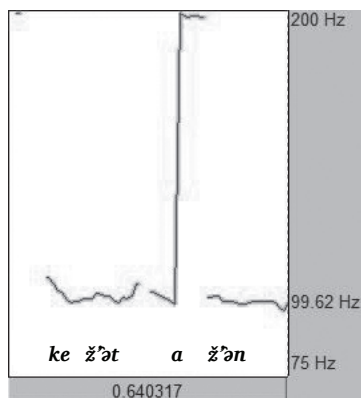

Рис. 2. Частота основного тона на именной группе *kež'ət až'əp*

Исходя из просодических данных и морфологического оформления, «разрывные» ИГ, по-видимому, можно анализировать в терминах двух ИГ, в которых посессивный аккузатив маркирует каждую вершину отдельно. Можно заключить, что посессивный аккузатив на модификаторе имеет особую семантическую интерпретацию, так или иначе связанную с эмфазой или дискурсивными значениями.

Обратимся теперь к значениям посессивного аккузатива собственно при вершине ИГ. При анализе корпуса бесермянских текстов (http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru, ок. 75000 словоупотреблений) были выявлены следующие значения посессивного аккузатива (в отличие от аккузатива без посессива):

- bridging [Geurts 1998], т. е. такие употребления, где объект упоминается впервые, однако является определенным в силу конситуации (ср. внешне-ситуационный тип детерминации по [Крылов 1984]):

(21) Tual'et-e   pâr-âsa = pe
туалет-ILL   входит-CONV=CIT

sit'a = no

испражняться.IMP.SG = ADD

sit'-s-e = pe

tr'apka-je

экскременты-Р.3-ACC(SG) = CIT тряпка-ILL

pun-âša

pun = pe

класть-CONV класть.IMP.SG = CIT

pin'-a-d.

зуб-LOC/ILL-Р.2(SG)

{У рассказчика болел зуб, ему советуют народные методы лечения.} Зайди, мол, в туалет, испражнись, возьми экскременты и, завернув в тряпочку, положи на зуб. [КБТ]

- (22) Sre rassol-z-e kiš't-iš'ko,
потом рассол-Р.3-ACC(SG) лить-PRS(1SG)
opet' puk-t-iš'ko pəž'-t-ânê
опять сидеть-TR-PRS(1SG) вариться-TR-INF
rassol-z-e.

рассол-Р.3-ACC(SG)

{Я солю капусту. Сначала замачиваю в воде, ... солю, утрамбовываю. Кладу в большую миску, придавливаю большим грузом. Через два дня я его убираю. Убираю я его.} Потом я сливаю рассол и ставлю его опять кипятиться. [КБТ]

- неопределенный объект из определенного множества:

- (23) Tolon mənəm š'ot-i-z-ə vil' klas.
вчера я.DAT дать-PRT-3-PL новый класс
Kêk nêl-jos-s-e tod-iš'ko = n'i
два девочка-PL-Р.3-ACC(SG) знать-PRS(1SG) = уже
val, so-os Šamardan-âš'.
быть.PRT тот-PL Шамардан-EL
Вчера мне [учителю] дали новый класс. Двух девочек я уже знал, они из Шамардана.

Ad'ami-z-e = no   kut-i-z = no
 человек-Р.З-ACC(SG)-ADD   ловить-РРТ-З(SG)-ADD
 vu   puš-k-e   dong-i-z.
 вода   внутри-OBL-ILL   вталкивать-РРТ-З(SG)
Человека тоже поймал, в воду затащил. [Примеры из экспериментальных материалов О.Л. Бирюк и М.Н. Усачёвой] [КБТ]

Аналогичный случай представлен в следующих примерах. В тексте, откуда взят отрывок, упоминается деревня Мыстай, затем на протяжении более десятка клауз идет речь о другом. При возврате к участнику «деревня» соответствующая ИГ оформляется посессивным аккумулятивом:

(25) D'erevn'a-z-e   bātč'a
 деревня-Р.З-ACC(SG)   даже
 ug   tod-iš'k-ā   kâ-t-ân   so
 NEG.PRS   знать-PRS-SG(1)   где-OBL-LOC   тот
 d'erevn'a-ez   Mâstaj   d'erevn'a-ez-len
 деревня-Р.З(SG)   Мыстай   деревня-Р.З(SG)-GEN1
 p'âm-ez.
 имя-Р.З(SG)

{Он, говорит, на свадьбу поехал, его нужно забрать из деревни Мыстай. Они, говорит, будут вдвоём с женой. Я говорю: у меня молоковоз одноместный, я не могу взять двух человек. А он настаивает: езжай да езжай. Ругает меня. Говорю, если меня сейчас ГАИ поймает, что я буду делать? Езжай, говорит, никто тебя не поймает. А в том колхозе в тот день был выходной. Я своё молоко выгрузил,} а деревни-то такой и не знаю, где эта деревня под названием Мыстай. [КБТ]

Данное употребление посессивного аккумулятора достаточно последовательно прослеживается в ряде текстов, записанных

в д. Шамардан. При отсылке к одному и тому же топику используется аккузатив без посессива (например, в тексте, посвященном обработке льна — «Лён», *corroga.iling-ran.gu*). Посессивный аккузатив в текстах используется при переключении на предыдущий топик. Таким образом, показатель посессивного аккузатива также маркирует возврат к предыдущему топику.

- контрастный топик: определенные ИГ в контрастном топике маркируются посессивным аккузативом:

(26) Čʹaj va-i-z-ə. **Vina-z-e** čʹaj
 чай дать-PRT-3-PL водка-P.3-ACC(SG) чай
 rəl-a-m ležʹ-i-z-ə.
 среда-LOC/ILL-P.1SG разрешить-PRT-3-PL
Мне дали водки; я говорю, водки не пью. Принесли чай. А водку мне в чай налили. [КБТ]

- маркирование выбранной номинации после маркера хезитации; довольно часто так же маркируется плэйсхолдер (в частности, из всех примеров с плейсхолдером *marem* в позиции ПД почти всегда используется посессив):

(27) A mon nʹevesta-z-e = pi
 а я невеста-P.3-ACC(SG)=AUTOCIT
 ažʹ-ono šuəsa marem ečʹemenʹ-z-e.
 видеть-DEB COMPL HEZ невестка-P.3-ACC(SG)
{Но ведь были же те, кто смотрел, кто плясал уже. Да, а у меня что-то настроения не было.} А я это, невесту хотела посмотреть, это, невестку.
 [КБТ]

(28) So kalʹ gurtaz
 тот сейчас дом-P.LOC/ILL-P.3(SG)
 košk-əl-i-z = ke ot-i-šʹen,
 приходит-ITER-PRT-3(SG)-если тот-OBL-EGR

marem dokument-jos-s-e vič'ak

HEZ документ-Р.З-ACC(SG) все

va-i-z = n'i.

дать-PRT-З(SG)-уже

Она сейчас домой приезжала, все эти... документы привезла. [КБТ]

- реактивация информации, уже известной или очевидной из контекста: в частности, (29а) представляет собой нейтральный вариант оформления, в то время как (29б), согласно комментариям носителей, более уместно, если говорящий указывает на очевидность данного действия или напоминает о нем:

(29) а. Kâsk-ê kal-ez — es-ez

дергать-IMP.SG веревка-ACC дверь-Р.З(SG)

uš'-č'k-o-z.

открыть-DETR-FUT-З(SG)

Дерни за веревочку, дверь и откроется.

б. Kâsk-ê kal-z-e!

дергать-IMP.SG веревка-Р.З-ACC(SG)

Веревочку-то дерни! {Комментарий: У меня руки заняты, и я не могу войти, говорю другому: Дерни за веревочку, что же ты стоишь.} [Сердобольская, Толдова 2012: 134]

- «этический» посессив

В некоторых языках местоименные клитики (обычно дательные) вводят участника, не являющегося партиципантом описываемой ситуации и актантом или сирконстантом соответствующего глагола [Spencer, Luís 2012: 169]. В бесермянском посессивные показатели имеют схожее употребление — в примерах ниже они маркируют ПД, которые вводят новую ситуацию или представляют собой комментарий, не относящийся к основному повествованию:

- (30) Vina-**d-e** ju-iš'ko-m — o!
 водка.Р.2-АСС пить-PRS-1PL о
{ЛК: Дом бывает полон народу. Люди приходят, я их привечаю, угощаю. Они танцуют, поют песни, креси. Я тоже пою креси, пью водку, дочка.} А водки пьём — о! (много) [КБТ]
- (31) Kartoški-**d-e** = no kopa-1'l'a-m
 картошка-Р.2-АСС=ADD копать-ITER-1PL(PRT)
 kartoška = no puk-t-êl-i-m
 картошка=ADD сидеть-TR-ITER-PRT-1PL
 lud vêl-e bakč'a-je.
 поле верх-ILL огород-ILL
{В тексте рассказывается, как раньше работали со льном: Так мы жали, это делали, хоть какую работу делали.} Картошку мы копали, картошку также сажали в поле, в огороде. [КБТ]

К этому же типу мы относим следующий пример с 3-им лицом:

- (32) Uš'-t-i-z-ê gur-z-e-s, a
 открыться-TR-PRT-3-PL печь-Р.3-АСС-PL а
 ot-ên š'ij-on, mar = no evêl.
 тот.OBL-LOC есть-VN что-ADD NEG.COP
{Герои рассказа, солдат и Пётр, попросились на ночлег к Бабей-Яге, а она сказала, что ей нечем их кормить.} Они открыли печь — а там еда, и чего только нет. [КБТ]

Здесь *gur* 'печь' маркируется посессивным показателем 3-го лица множественного числа, т. е. согласуется не с посессором — Бабей-Ягой, а с героями рассказа. Данные участники являются главными героями нарратива, и практически все время в фокусе эмпатии, т. е. все события подаются с их точки

зрения (в отличие от Бабы-Яги, которая описана как их враг; на ее точку зрения рассказчик не переходит). Предположительно, показатель посессива здесь служит для маркирования фокуса эмпатии.

Итак, функции посессивного аккузатива в бесермянском можно суммировать следующим образом: 1) собственно посессивная функция; 2) bridging; 3) возврат к предыдущему топику; 4) отсылка к известному, но не единственным образом идентифицируемому объекту; 5) реактивация известной информации; 6) маркирование выбранной номинации после маркера хезитации; 7) контрастный топик; 8) этическая функция.

Интересно, что при непосессивных значениях наблюдаются нарушения при маркировании лица и числа посессора, ср. (21), где посессор — 2-е лицо, однако используется показатель 3-го лица; тж. (22), где можно предполагать, что посессор — 1-е лицо, однако опять же используется показатель 3-го лица.

При этическом употреблении личная семантика не исчезает, а меняется участник, с которым согласуется посессивный показатель. В частности, в (30)–(31) 2-ое лицо обозначает адресата несмотря на то, что тот не может являться посессором рассматриваемого объекта, т. к. в (30) рассказчик описывает для приезжего человека жизнь бесермянской деревни, а в (31) — работы в деревне в начале и середине XX в. Аналогичным образом, в (32), где посессор 3-го лица единственного числа, используется показатель множественного числа.

Итак, в бесермянском происходит грамматикализация показателей посессивного аккузатива в различных дискурсивных функциях, или прагматизация. При этом показатели аккузатива 2-го и 3-го лица теряют личную семантику (возможно, так же ведет себя показатель 1-го лица, однако таких примеров в КБТ не обнаружено).

5. Развитие функций посессивного аккумулятива в бесермянском

Как показано в разделах 3 и 4, в бесермянском оформление ПД регулируется следующими факторами. При наличии притяжательного отношения между субъектом и ПД могут использоваться показатели посессивного аккумулятива. Данные показатели также маркируют полуактивированный референт (возврат к предыдущему топику), известные, но не единственным образом идентифицируемые объекты, в том числе при bridging'e, реактивацию известной информации и выбранную номинацию после маркера хезитации. В остальных случаях определенные ИГ оформляются аккумулятивом без посессива; неопределенные и нереферентные ИГ (кроме родовых и универсальных) не оформляются. Универсальные и родовые ИГ чаще всего оформляются аккумулятивом, если они принадлежат теме высказывания; в реме они чаще всего не оформляются. Показатели посессивного аккумулятива в непосессивной функции могут терять личную семантику, как и в коми-зырянском, ср. [Прокушева 1984].

Какое объяснение можно предложить наблюдаемым фактам? В теоретической семантике определенность трактуется различным образом, с помощью понятий единичности (uniqueness) или известности (familiarity) участника, ср. обзор в [Abbott 2010]. При подходах, использующих единичность как основной признак, хорошо объясняется использование определенного артикля на референте ИГ, который идентифицируется единственным образом, однако не упоминается ранее (как в (33a)) или в принципе не может быть известен до определенного момента (как в (33б)):

- (33) а. In her talk, Baldwin introduced **the notion** that syntactic structure is derivable from pragmatic principles.
- б. Will **the last person** to leave the room please turn out the lights? [Abbott 1999: 10]

Известность как основной признак определенности позволяет объяснить наличие определенного артикля в случаях, когда участник упоминается ранее, но не может быть идентифицирован единственным образом, например:

- (34) He put **his hand** on her knee. [von Heusinger 2013: 14]
 (35) He took her by **the hand**.

Такое маркирование обязательно в (34)–(35) и неопределенный артикль не является грамматическим, несмотря на то, что в контексте может не быть указания на то, какая именно рука имеется в виду.

В языках с посессивными маркерами в таких случаях используется посессив, даже если по контексту непонятно, о каком именно объекте (из числа объектов обладания) идет речь. Например, в (36), как и в (35), в первой клаузе неизвестно, какая нога имеется в виду; это отчасти уточняется лишь в конце предложения, в эхо-конструкции. Несмотря на неточность при первом упоминании (и соответственно, слабую определенность соответствующей ИГ), в первой клаузе используется посессивный показатель:

- (36) I p̄d-z-e tože ad'ami dor-e
 и нога-Р.З-ACC(SG) тоже человек около-ILL
 kar-iš'k-əl-i-z = uk p̄d-z-e
 делать-DETR-ITER-PRT-З(SG)-EMPH нога-Р.З-ACC(SG)
 č'og-əl-i-z-ê... ber p̄d-z-e = ik.
 рубить-ITER-PRT-З-PL зад нога-Р.З-ACC(SG)=EMPH
*И возле людей ей [кобыле] ногу повредили, ногу
 рубанули... заднюю ногу. [КБТ]*

В целом, как было показано в разделе 3, определенность (а также универсальный и родовой статус) в бесермянском кодируется аккузативом с посессивом или без посессива. Далее, по-видимому, происходит распределение функций данных

двух типов показателей. Что касается этической функции, она развивается у посессивного аккумулятива, по-видимому, тривиальным образом в силу наличия противопоставления по лицу.

Маркирование ПД, определенного в силу конситуации (bridging-эффект), свойственно различным показателям определенности, включая артикли и т. п. В случае языков с грамматическим выражением посессивного отношения, к каковым относится удмуртский и его диалекты, неудивительно, что данную функцию берут на себя показатели посессивности. Одним из возможных значений посессивных маркеров является ассоциативная связь [Taylor 1989], или связь по фрейму, или «референциальная привязка» (anchoring) [Fraurud 2001], т. е. собственно случаи bridging'a. В частности, К. Фраурюд считает, что данная связь служит промежуточной стадией между посессивным значением и выражением определенного референциального статуса при грамматикализации посессивных показателей в артиклевой функции [Fraurud 2001].

Посессивные маркеры в ПД, как мы говорили выше, являются грамматическим средством выражения неотчуждаемой принадлежности; при выражении отчуждаемой принадлежности они допустимы, однако необязательны. Согласно некоторым типологическим исследованиям, ядром категории неотчуждаемой принадлежности являются отношения «часть тела» и, шире, «часть-целое» [Nichols 1988], которые входят в сферу партитивных значений. Исследования последних лет показывают, что даже при определенности целого партитивные ИГ могут быть не только неопределенными (ср. определенную ИГ *John's two dogs* vs. неопределенную *two dogs of John's* [Storto 2000]), но и необязательно являются специфичными (референтными). В бесермянском определенность ПД обуславливает наличие аккумулятива (с посессивом или без); неопределенные ПД не маркируются. Следовательно,

в (36) ожидалось бы отсутствие маркирования ПД. Однако наличие посессивного отношения диктует необходимость посессивного показателя (при неотчуждаемой принадлежности). В результате, фактор наличия посессивного отношения оказывается более важным: неопределенное обладаемое в позиции ПД получает оформление посессивным показателем (36).

Мы полагаем, что трактовка через отношение партитивности лежит в основе развития дискурсивных значений посессивного аккузатива в бесермянском.

В литературе партитивность определяется как «часть от целого» и «часть от множества» (set partitivity) [de Hoop 1997]. Таким образом, примеры, аналогичные (34) и (35), включают указание на известное множество, ср. работу [Storto 2000], где предлагается трактовка посессивных ИГ вида *two dogs of John's* именно через понятие партитивности. Как показано выше, значение «неопределенный объект из известного множества» как раз входит в круг значений бесермянского посессивного аккузатива (23).

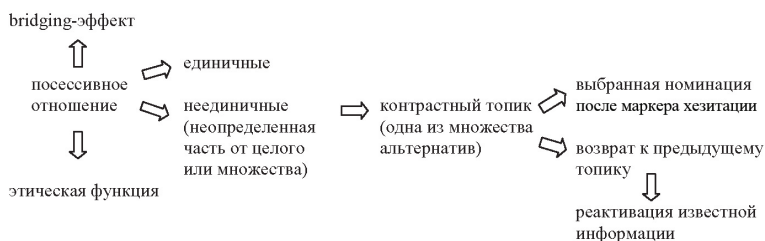
Если определить круг значений посессивного аккузатива как [+ известность, – единичность], т. е. контексты известности, для которых не обязательно выполняется условие единичности, данное правило объясняет выбор маркера в случаях, описанных в разделе 4 (за исключением этического употребления, которое мы оставляем в стороне). Аккузатив без посессива используется в остальных случаях.

В частности, контрастный топик может быть представлен как одна из множества альтернатив [Erteschik-Shir 2007: 48], т. е. речь идет о части от множества, как и в случае не единичных известных ИГ (находящихся в посессивном отношении к вершине). В свою очередь, дискурсивное употребление «возврат к предыдущему топикю», как и контрастный топик, предполагает выбор из некоторого множества топиков в дискурсе. При контрастном топике из множества топиков

выделяется один, причем не всегда тот, который является топиком по умолчанию. Аналогичным образом, возврат к предыдущему топикю предполагает выбор из некоторого множества топиков в дискурсе. Из множества протагонистов в тексте выделяется не один, причем не тот, о котором шла речь в непосредственно предшествующих клаузах или абзаце. Выбор номинации после маркера хезитации также предполагает выбор из нескольких альтернатив, озвученных в контексте. Значение «реактивация известной информации», по-видимому, развивается из значения возврата к предыдущему топикю.

Таким образом, мы предполагаем, что большая часть значений посессивного аккумулятива развивается из значения «неопределенная часть от определенного множества или объекта», а bridging-эффект и этическое употребление следуют из ассоциативного значения посессивности и личной семантики посессивных показателей, соответственно.

Схема 2. Развитие значений посессивных показателей в бесермянском.

Обобщенно можно описать посессивный аккумулятив в бесермянском как средство маркирования 1) посессивности; 2) этической функции и 3) известных (familiar) ПД, в контекстах, в которых нет требования единичности участника. Остальные виды ПД кодируются аккумулятивом без посессива (для определенных, родовых и универсальных ПД) или нулем (для неопределенных ПД).

Список обозначений

КБТ	корпус бесермянских текстов http://beserman.ru/corpus/search/ ?interface_language=ru
ЛК	левый контекст
ПК	правый контекст
ACC	аккузатив
ADD	и (присоединительная частица)
ADV	адвербиализатор
AUTOCIT	автоцитация: цитирование собственных слов
CIT	цитатив
COMPL	комплементаризер
COND	условное наклонение или частица
CONV	конверб
COP	связка
DAT	датель
DEB	дебитатив
DETR	понижающая актантная деривация
EL	элатив
EMPH	эмфатическая частица
FUT	будущее
GEN1	генитив первый
GEN2	генитив второй
ILL	иллатив
INDEF	показатель неопределенного местоимения
INF	инфинитив
INSTR	инструменталис
ITER	итератив
NEG	отрицание
NEG.COP	связка с отрицанием
NZR	номинализатор
OBL	наращение именной основы
P.1/2/3SG/PL	посессивные показатели

PL	множественное число
PROL	пролатив
PRS	настоящее
PRT	претерит
RES	результатив
SG	единственное число
SMLF	семельфактив
TR	повышающая актантная деривация
VN	глагольное имя

Литература

Алатырев В.И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. Ижевск, 1970.

Брыкина М.М., Судобина А.Н. Посессивные показатели в роли дискурсивных маркеров (на материале некоторых уральских языков) // Четвертая типологическая школа (21–28 сентября 2005 г., Ереван). Москва, 2005. С. 98–101.

ГСУЯ — *Первозииков П.И., Вахрушев В.М., Алатырев В.И.* (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. Tartu, 2010.

Кондратьева Н.В. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.

Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. 1984. Вып. 23. С. 124–154.

Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // *А.И. Кузнецова* (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Москва, 2012. С. 250–252.

Муравьева И.А. О трактовке неформленного имени в тюркских языках // *Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева* (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные аспекты грамматики. Москва, 2008. С. 321–421.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва, 1985.

Прокушева Т.И. Категория определенности / неопределенности в коми языке // *Г.И. Тираспольский* (отв. ред.) Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984.

Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // *А.И. Кузнецова* (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Москва, 2012. С. 59–142.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. Москва, 1970.

Abbott B. Reference. Oxford; New York, 2010.

Aissen J. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1998, № 21 (3). P. 435–483.

Bossong G. Differentielle Objektmarkierung in den neu-iranischen Sprachen. Tübingen, 1985.

Chafe W. Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.

Csúcs S. Chrestomathia Votiaca. Budapest, 1990.

Dalrymple M., Nikolaeva I. Objects and Information Structure. Cambridge, 2011.

Enç M. The semantics of specificity. In *Linguistic Inquiry*. 1991, № 22 (1). P. 1–25.

Erteschik-Shir N. Information Structure. The Syntax-Discourse Interface. Oxford; New York, 2007.

Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // *I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen* (eds.) Dimensions of possession. Typological Studies in Language. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 243–267.

Geurts B. Presuppositions and anaphors in attitude contexts // *Linguistics and philosophy*. 1998, № 21. P. 545–601.

Givón T. Definiteness and referentiality // *J.H. Greenberg* (ed.) *Universals of human Language*. V. 4. Syntax. Stanford, 1978. P. 291–330.

Givón T. (ed.) *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam; Philadelphia, 1983.

Heim I. File change semantics and the familiarity theory of definiteness // *Meaning, Use and the Interpretation of Language*. Berlin, 1983. P. 164–190

de Hoop H. A semantic reanalysis of the partitive constraint // *Lingua*. 1997, № 103. P. 151–174.

Kibrik A.A. Reference in discourse. New York, 2011.

Kiparsky P. Structural case in Finnish // *Lingua*. 2001, № 111. P. 315–376.

Moravcsik E. On the Case Marking of Objects // *Greenberg J. H.* (ed.) *Universals of Human Language*. V. 4: Syntax. Stanford, 1978. P. 249–289.

Nichols J. On Alienable and Inalienable Possession // *Shipley W.* (ed.) *In Honor of Mary Haas*. Berlin, 1988. P. 579–521.

Prince E. Toward a taxonomy of given-new information // *Cole P.* (ed.) *Radical Pragmatics*. New York: Academic Press, 1981. P. 223–255.

Serdobolskaya N., Toldova S. Information structure at odds with discourse factors: Evidence from Finno-Ugric differential object marking. Paper presented at the workshop “Categories of Information Structure across Languages”, Max Planck Institute for Psycholinguistics, Nijmegen, November 9–10, 2012. http://iling-ran.ru/serdobolskaya/Serdobolskaya_Toldova_IS_discourse_Finno-Ugric_hd_eng.pdf

Sinor M. (ed.) *The Uralic languages. Description, history, and foreign influences*. Leiden, 1988.

Spencer A., Luís A. R. *Clitics: An Introduction*. Cambridge, 2012.

Storto G. On the Structure of Indefinite Possessives // *B. Jackson, T. Matthews* (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistics Theory X*. Ithaca, New York, 2000.

Suihkonen P. On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt // *C. Hasselblatt, E. Koponen, A. Widmer* (eds.). Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens. Wiesbaden, 2005. P. 401–427.

de Swart P. Cross-linguistic variation in object marking. Ph.D. diss. Radboud Universiteit Nijmegen, 2007.

Tamm A. Relations between Estonian verbs, aspect, and case. Doctoral dissertation. Budapest, 2004.

Taylor J.R. Possessive genitives in English // *Linguistics*. 1989, № 27. P. 663–686. Mouton De Gruyter.

von Heusinger K. The Saliency Theory of Definiteness // *A. Capone, F. Lo Piparo, M. Carapezza* (eds.) Perspectives on Linguistic Pragmatics. Berlin, 2013. P. 349–374.

von Heusinger K., Kornfilt J. The case of the direct object in Turkish: Semantics, Syntax and Morphology // *Turkic Languages*. 2005, № 9. P. 3–44.

Winkler E. Udmurt. München, 2001.

Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden, 2011.

Сердобольская Н.В.

serdobolskaya@gmail.com

Российский государственный гуманитарный университет,
Московский педагогический государственный университет